

АНДРЕЙ ЛОМАЧИНСКИЙ

**АКАДЕМИЯ  
РОДНАЯ**

УДК 821.161.1-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6  
Л74

**Ломачинский, Андрей.**

Л74 Академия родная / Андрей Ломачинский. — Москва :  
Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Медицинские хро-  
ники).

ISBN 978-5-17-157610-3

«Академия родная» — это целый взвод уморительных курсантских историй, смешное чтение как для военных, так и для тех, кто к погоням никакого отношения не имеет. Все истории реальны и написаны от первого лица одним из бывших курсантов. Воспоминания военного медика об учебе в ленинградской Военно-медицинской ордена Ленина Краснознаменной академии им. С. М. Кирова читаются непринужденно, быстро, а главное — с невероятным удовольствием.

УДК 821.161.1-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-157610-3

© Ломачинский А.А., 2026  
© ООО «Издательство АСТ», 2026

## **А помните... или Курсанты 20 лет спустя (вместо предисловия)**

— Ну что, мужики, у всех налито? Давайте за встречу курса — двадцать лет не виделись... Ух, хорошо пошла! Сейчас закусим и поговорим обо всем. Все вспомним, сейчас все можно, сейчас демократия. Не то что тогда... А помните, как замполит факультета, полковник Вася Кононов, нас за приемники гонял? Проверял, чтоб коротких волн не было. Особенно злостно — в андроповский период. И за гражданку гонял. Правда, знал, что в увольнение никто в форме не ходит, а поэтому постоянно причитал: «Уж если военнослужащий и оденется в гражданскую одежду, то только без западной символики!» А все на него забили, джинсы покупали исключительно фирменные, а приемники — с запрещенными диапазонами. Делает полковник шмон — под матрасом у одного курка находит американские джинсы с флажком на положенном месте. Замполит разозлился и всю нашу комнату к себе в кабинет вызвал. А у него там по тем временам система супер стояла — «Ленинград-006», первый стерео в стране. Мы глядь на приемник — а он как раз на 41-м метре на вражью волну настроен. Вася разошелся, мол, вот я никогда до тако-

го лизоблюдства перед Западом не упаду, чтобы флаг ГэПэ на советской заднице красовался (ГП — это «главный противник»; тогда так Америку называли). А кто-то взял и врубил его «Ленинград» на полную катушку. Как раз на заставку попало — «тили-тили-тили... Говорит “Голос Америки” из Ва-ашингтона...» Все заржали, а замполит пустился в отмазки, что это ему для контрпропаганды надо. А помните, как Амеба был ответственным за радиорубку? В той рубке отродясь никакого радио не было, а был выдавший виды магнитофон «Весна» и допотопный усилитель. Помню, построил нас замполит по какому-то торжественному поводу во дворе факультета, а Амебе наказал по сигналу включить гимн Советского Союза. А тот пленки перепутал да как врубит какой-то блатной шлягер: «Лучше веселиться, чем работать, лучше водку пить, чем воевать...»

А помните, как Миша-Циста на анатомии про матку рассказывал, а вместо матки желудок показывал на мужском трупе? Такой был хохот, когда препод пинцетом член поднял. И двойка с отработкой, конечно.

Ха, вот у нашей группы доцент Твардовская анатомию вела. Кикושка у нее кликуха была, помните? Опрашивала курсантов по теме «Женская половая система» и вызвала Валерку-Аспирина отвечать:

Доцент: Покажите, где располагается матка.

Курсант (задумчиво): Матка у нас располагается...

Доцент (удивленно): У ВАС?

Курсант: Нет, я имел в виду у вас.

Доцент: У меня?!

Курсант (испугавшись): Нет, у всех женщин, кроме вас.

А вот еще. Курсе на пятом наблюдали мы за тем, как при операции на открытом сердце его сначала ледяным физраствором заливают — холодовую остановку сердца делают. И вот стоит академик Колесов

с поднятыми стерильными руками и смотрит, как операционная сестра Маша заливает сердце из керамического кувшина, а в другой руке держит электроотсос. Взгляд же ее направлен на нас, молодых и почти на все готовых. Сердце уже остановилось, пора удалять жидкость из операционной раны, а Маша все еще изучает пионеров. И тут академик изрек: «Маша! У меня уже давно стоит. Почему не сосете?» Если бы пациент был не под наркозом, то смеялся бы и он.

А в лекционном зале, где биохимия, была доска из двух половинок, передвигающихся вверх-вниз. У доцента Хромосомы поломался проектор, где она писала свои формулы. Тогда Хромосома Стефановна всучила листок одному курсанту, Ваське-Эозину, и попросила его переписать формулы мелом на доску, пока она будет объяснять. Тот опускает доску вниз, чтобы писать было удобнее. Доцент: «Курсант, зачем вы так быстро спустили, я же еще не кончила?» Вся аудитория полчаса ржала! Двести мужиков с одной бабы.

А помните, как генералу Дыскину экзамен сдавали? Профессор занимался своими делами и хрен чего слушал. Начинал вслушиваться, только если запинаясь или молчишь. Кто не боялся, одно и то же по три-четыре раза ему повторял. Лишь бы бойко и уверенным голосом. В конце дед подводил к трупу, задавал элементарный вопрос и ставил пятерку по анатомии там, где надо было ставить неуд. А запинаящиеся отличники попадали под такой прессинг, что и трояк за радость считали. Не было халявней препода, но и дурнее не было!

А помните, как другой анатом, профессор Лев, прятал мелкие кости кисти или стопы под полу халата, а потом заставлял на ощупь определить, какая это косточка, да еще правая или левая! Садист был. Мне на экзамене достал какой-то позвонок, в руку не дает,

а подкидывает. И сам тут же ловит. Пока в воздухе летит — смотри. И скажи ему, что это. Что позвонок шейный, я разглядел, а вот какой по номеру... Ляпнул цифру наобум — угадал! Как в лото. Лев пять поставил.

А профессор Шостак с нормальной физиологии? Вот это был дурак! Куда там Дыскину. Этот вне зависимости от ответа первому курсанту на экзамене всегда ставил отлично. Хоть вообще молчи. А потом объявлял, что даже он, профессор, на пятерку физиологию не знает, а мы и подавно. У него система была двухбалльная — тройки и четверки. Бананов не ставил принципиально. Для двоечников халява, кто к нему шел, те физиологию вообще не учили, а отличники всеми правдами и неправдами в другие группы перебежали. А с кого экзамен начнется, всегда по жребию разыгрывали.

А помните, как на младших курсах в коридоре общежития в хоккей играли? Проигравшая команда должна была на закорках катать победителей. Мы проиграли, понасажали победителей на спину и бегаем туда-сюда по коридору. Тут дежурный по академии полковник Новицкий появляется (самая строевая гнида в штабе была). Стал тихонько у двери и на такое ребячество смотрит. Потом как заорет: «Дежурный, что такое происходит?!» А дежурным был Юрка-Мафия, он ему и рапортует: «Товарищ полковник, идет практическая отработка навыков эвакуации раненых с поля боя!» Дурак Новицкий на Мафию уставился и снова орет: «Это я вижу. Я спрашиваю, почему форму одежды нарушаете?!»

А другой хоккей помните — тот, настольный? В который на задних рядах на лекциях играли? Вот картинка была — идет курс строем, а замыкающая четверка под мышками настольные хоккеи тащит! Если кто из начальства останавливал, то говорили, что несем шефские подарки в детдом. А помните, как

ночи напролет в преферанс играли? Пулю на полтинник конов расписывали. А курили — точно хоть топоры вешай! Коля Миляев купит канарейку, посадит ее в клеточку, та и живет у него до первой игры. Как ночку посидим — так наутро Милина канарейка дохлая. Дымом травилась!

А помните, как наворовали в тире мелкокалиберных патронов? А потом сделали винтовку из оконного шпингалета, пружины от кровати и трубки от зонтика! Вот было дело — поехали в Парголово охотиться. Бух, пуля вжжжить со свистом! Да помню, как ты сдуру орал: «Лиса, лиса!» А как подошли — чья-то собака, да с ошейником. Деру давали потом.

А помните, как полковник Качмазов тактику принимал: «О, тебя я на лекции видел — добавляю к оценке один балл, а тебя не видел — снимаю с оценки один балл». А Изя ему отмазку кидает типа: «Товарищ полковник, я за колонной сидел». После этого все, кого он не видел, ему говорили, что за колонной сидели. Экзамен прошел, а этот дурак поплелся в аудиторию смотреть, как на трех местах мог целый взвод разместиться...

А помните, как прапорщик Щекочихин поспорил с прапорщиком Климовичем, что за бутылку водки съест живого жука-вонючку? Типа на уроках выживания. Щекочихин съел, а Климович с ним переспорил на то же самое, но уже в отношении себя. И тоже съел. В результате оба скушали по вонючему насекомому и остались при своих с той же бутылкой водки. Как в том анекдоте — за просто так говна нажрались!

А как Сив отдал честь пирожком! Генерал-полковники Иванов и Комаров из штаба выходят, а Сив на беду рядом идет и устав нарушает — на ходу пирожок жрет. Со страху перед большим начальством влудил строевым шагом да так и козырнул надкушенным пирожком! А Челентано, стоя «на тумбочке»,

отдавал старшине Абажу честь сжатым кулаком? А когда Абаж-Апулаз вытаращился на него, Серега по одному разжал пальцы и усыпал себе правый погон шелухой от семечек... Вот не помню, кто старшине кличку-то дал? Апулаз пару лет понять не мог, чего его такими красивыми кавказскими именами величают, пока не дошло прочитать наоборот. Или как Саня Хутиев вел на факультет бабу, а Пуля с Фторычем, увидев его с балкона, изобразили при входе на курс... как бы помягче выразиться... гомосексуальный половой акт. Взяли длинную колбасу, ну ту, розовую за два двадцать — прям как у коня выглядело. А как бедная девочка бежала вниз по лестнице, увидев ЭТО!

Пацаны, а помните, как майор Санька Иваныч, будучи дежурным по факультету, выпил с полковником Исаевым, а потом ссал с козырька над парадным входом? Днем, при всем честном народе, на проспекте Карла Маркса и в присутствии интуристов из гостиницы «Ленинград»! Картинка — обхохотались бы, но, блин, нормы профессиональной этики не позволяют поведать миру об этом в деталях.

А кто помнит, как сержанту Коробке в его родном десантном взводе ночью на первом курсе ефрейторские лычки пришили? Он с ними чуть не целый день проходил, пока Абаж его не потоптал, как петух цыпленка. Или как голый Леня-Бегемот бегал по «взлетке» на лыжах — стадион-то наш был тоже в центре Ленинграда, и прожекторов вокруг... Или как те же десантники ночью катнули вдоль коридора младшекурсников штангу. Вот было хохоту, когда те в исподнем на грохот из своих комнат вылетали! Наверное, думали, землетрясение или ядерный удар. Помните, у нас в первом взводе туалет ближе всех был, так мы на кроватях ребят туда вытаскивали, чаще всех — храпящего Гриню-Лизола. А потом Лизол просыпался и три минуты не мог понять, где он... А как

потолок на голову «роняли» с помощью простыни — по команде «Подъем!» натянутую простыню к морде — мужики спросонья аж орала от страха. А один раз Гошу Есаяна (Антракоза-то все, надеюсь, помнят?) пришили к матрасу по периметру теплого зимнего белья, а потом еще и одеяло сверху пришили. Во разошлись! А когда его внезапно разбудили, то он так с матрасом и гонялся за шутниками. Гы-гы-ы!

А кто помнит Бицепса, того майора, начальника физподготовки нашего взвода? Что, все помнят?! Да уж, какой перл он нам выдал: «Товарищи курсанты! У настоящего военврача путь в медицину лежит через гирю, коня, брусья и на перекладину!» А в нашем взводе начфиз был из медиков, но тоже будь здоров — гиревик Колосик, помянем его, благо не к ночи. Переходил в капитанах и так к этому привык, что когда ему наконец дали майора, по телефону представлялся: «Майор медицинской службы капитан Колосик!»

А я вот в академию вернулся. Теперь сам начальник курса. Скажу, что особо-то ничего и не изменилось за двадцать лет, особенно в столовой. Как тогда, бачки по-прежнему пропадают, в основном у первокурсников. Правда, чтобы хоть как-то сдать наряд, они моют за второй курс посуду точно так же, как это делал второй курс, когда был первым. И недостаток посуды пополняют за счет поварих. Всегда есть какая-нибудь Светочка, которая достает посуду. А наряд уж с ней рассчитается. Может, и на гормональном уровне, а может, та деньгами уже берет. Там есть комнатка, доверху набитая бачками и прочим потерявшимся инвентарем. За небольшой калым и сам начальник столовой может пополнить недостаток... А мы, помню, когда были первокурсниками, как-то раз сожрали на варке все мясо, которое предназначалось дежурному по академии и иной начальствующей компании, уж очень голодные были. Такой мог скандал быть! Но наряд

вовремя сообразил, что к чему, и исправил ситуацию — сами своровали на мясообвалке, а затем нажарили в нижнем цеху. А еще ведь многие, думаю, помнят повариху Мальвину, которая до сих пор достает бедных овощников. Ну, чтоб переспать за плохо почищенную картошку... Так ты что, начальник курса, уже отупел на новой должности? Как Исаев стал? Шучу, шучу... Помните старшего офицера факультета? У того кликуха была Штирлиц, но чаще Пяточная Кость. Только вспомни, приперся как-то раз он на построение. Увидел кого-то в грязных ботинках. Родил шедевр: «Вы посмотрите на свои ботинки! Они, наверно, грязнее, чем ноги!» Судя по всему, у легендарного Штирлица дела обстояли наоборот — ноги грязнее, чем ботинки. Помню Пяточную Кость на построении. Любил он это дело, а в строю, как обычно, где-то полкурса, остальные по своим делам. Долго-долго ходил взад-вперед, наконец изрек: «Будем строиться до тех пор, пока не добьемся стабильного прихода!» Потом долго обижался, почему все смеются. Или так. Снова Пяточная Кость обходит строй, глядя вниз, то есть на любимые ботинки: «У вас **НОГИ НЕ УСТАВНЫЕ**, товарищ курсант! А у вас, товарищ курсант, почему ботинки блестят? Свеженачищенные ботинки **НЕ ДОЛЖНЫ** блестеть!» А помните, как он сообщил шестому курсу: «Товарищи курсанты, вы скоро станете офицерами — это же страшное дело!» — Кто в армии служил, тот в цирке не смеется...

— А ты правда помнишь? Нет, не в двух словах, а подробненько так? От начала до конца все наши забавные шесть курсантских лет при развитии социализме? Ты же в «Боевой листок» и в курсовую стенгазету писал. Не ври — точно помню, писал! Вот и давай вспоминай!

Ты помнишь,  
как все начиналось?  
*Андрей Макаревич*  
и «Машина Времени»

## Кони

В самом начале восьмидесятых годов XX века государство Российское жило друженько в составе громадной страны под названием великий могучий Советский Союз. Воевать особо никто не собирался, а потому службы в армии народ не страшился. Наоборот даже, если говорить об офицерской службе, то туда молодежь стремилась — хорошая зарплата, карьерный рост и почет в обществе гарантированы. Всякие там афганистаны да анголы общей картины не портили. А какие самые военные профессии среди офицеров? Артиллерист, танкист, минер-подрывник? Не-а! Нет в названии этих специальностей и намек на слово «военный». Самых военных профессий две — военный дирижер и военный врач. Про военных дирижеров ничего не знаю, а вот на военврача довелось поучиться. Дело было в городе-герое Ленинграде в Военно-медицинской Краснознаменной, орденов всяких и прочая и прочая академии (тогда) имени

Кирова. Вообще-то высшее медицинское образование, да еще с военным в довесок, — дело тяжелое и серьезное. Но пока его получишь, столько разного будет! Самый первый прикол случился еще до того, как это самое образование началось. Так вот с этого момента и все оставшиеся шесть лет грызня гранита науки и смех от незатейливых житейских ситуаций шли у нас одним непрерывным сериалом под названием курсантская жизнь.

Начнешь вспоминать, и приходит ностальгия — по исчезнувшей стране, но больше по молодости. Вроде было это всего ничего тому назад, ну если не вчера, то на прошлой неделе. Помню краснеющую рябину и спеющие маленькие яблочки-дички. Последние дни августа, холодное северное солнце греет плохо, руки охота засунуть в карманы. А туда их засовывать нельзя, их положено держать по швам, вытянувшись по команде «Равнение на середину!». И чтоб «подбородок на второй этаж». Рекомендация такая для красоты и строевого порядка на плацу, где застыли несколько сотен будущих военврачей, пока семнадцатилетних мальчишек. На этой самой середине, куда все равняются, происходит таинство — с этого момента КМБ, или курс молодого бойца, заканчивается, начинается учеба. А это значит, что через несколько минут мы сядем в автобусы и поедem из Красного Села в Ленинград. Там примем присягу и станем настоящими военнoслужащими. Ведь мы пока солдаты понарoшку. Хоть форму и надели, но даже до звания рядовых не дослужились. Уже не абитуриенты, но еще и не курсанты. Просто зачисленные. И тут такой момент... В начищенных до зеркального блеска хромовых сапогах начальника лагерного сбора отражается мирное советское небо и такие же сапоги идущего рядом замполита. Под бравурные звуки оркестра парочка переходит на строевой шаг. Оба полковника

маршируют четко, вытягивая носок, словно рисуются своим мастерством перед нами, сопляками. Оркестр у академии хороший, только вот флейту едва слышно. Кто-то подставил специальный микрофон под нос флейтиста, теперь нормально — музыка точно как на Красной площади. Полковники подходят к микрофонам перед трибуной. На трибуне высокое начальство — сам генерал-полковник Иванов с кучей генералов пониже. Царь всея академии со свитой. Полковники ему рапортуют чеканными голосами. Репродукторов вокруг плаца много повешено, вместо речи получают наложения непрерывного эха. Но громко. Однако последние фразы рапорта слышны превосходно:

— Докладывал начальник лагерного сбора полковник Белоконь! конь-конь-конь...

— Докладывал замполит лагерного сбора полковник Сивакобыла! кобыла-кобыла-кобыла...

— Ко-о-они... они-они-они...

Это флейтист сказал. Ну а мы... мы громко пернули, потому что смеяться в строю нельзя.

## Развод в день смерти Брежнева

В Советской армии, как и в любой другой, существовали наряды. Наряды по роте, или наряды по курсу, как их называли в нашей академии, служили обычным наказанием для нарушителей, поэтому их боялись. Сходишь в наряд — день на свалку, занятия пропустил, иди вечерами отработки сдавай, заочного образования в медицине не бывает. А еще их боялись из-за развода — обязательной процедуры, которую ежедневно устраивало начальство для новых суточников. Этакий смотр, какой ты молодец, как у тебя блестят сапоги и бляха и вообще, насколько воин в боеготовности пребывает — точно ли знает порученное ему дело мытья казармы и туалетов, а также охраны своих товарищей. Точнее, охраной товарищей мало интересовались, наших командиров больше волновали нарушители порядка и неприкосновенность комнат с оружием.

Проучились мы всего пару месяцев, совсем еще зеленые первоклашки. Подошла моя очередь заступать в наряд. Перед разводом все сознательные курсанты устав читают — про то, где положено находиться дне-

вальному, что он делает и за что отвечает. А я был несознательный. Я анатомию читал, вот и поплатился за это. Пришли мы на развод, что проводился перед штабом, построились, гавкнули хором «Здравия желаю!» дежурному по академии и замерли. Дежурным был полковник Новицкий, гроза и буквоед. Ходит этот солдатфон, в каждого третьего пальцем тычет, осматривает, как подшит, побрит, подмыт, как подстрижен и начищен и, конечно, спрашивает знание устава. Угораздило меня в эти третьи залететь. Вопрос стандартный — обязанности дневального. У меня, салабона, от волнения в голове закружилось, все мысли в ком сбились где-то в районе спинного мозга. Но делать нечего, я быстро залепетал слова из устава. А знаете, как трудно, когда не знал да еще и забыл:

— Дневальный по курсу назначается из курсантов и выставляется из дверей недалеко от комнаты с тумбочками вблизи входного оружия... Э-э-э, виноват, товарищ полковник! Назначается из тумбочек, что у входных курсантов вблизи дверей с комнатами и оружием.

Лицо Новицкого, и без того длинное, вытянулось еще больше. Он позеленел от злости и рывкнул два слова:

— Снять!!! Доложить!!!

Споро подбежал майор, помощник дежурного, или помдеж сокращенно, он меня снял и прилепил еще пять нарядов, чтоб тренировался. Оставшийся день я усиленно читал устав, точнее, учил его наизусть, а потом пошел заступать в наряды, как патрон в патронник при стрельбе очередями. Поотстал я, поброс хвостами и отработками, поназаваливал зачетов, и наконец остался мой последний наряд. И тут утром объявляют о смерти Брежнева. Ах, какой день — траурная классическая музыка по телевизору, флаги